

ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ИУДАИКИ
ЛАТВИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ЕВРЕИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

МАТЕРИАЛЫ
8-й МЕЖДУНАРОДНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
Рига, 30 июня — 4 июля 2011 г.

Под редакцией
Г. Брановера и Р. Фербера

Рига 2015

Светлана Ковальчук

Рига, Латвия

ПОЛИТИКА И НАУКА В ШКАЛЕ ЦЕННОСТЕЙ МАКСА ЛАЗЕРСОНА

Скажи, что случилось с миром?
Как будто рисует дождь
Неясным, нежным пунктиром
На старом — новый чертеж.

Игорь Чиннов

Настоящий изгнанник с собой
все уносит.

Иосиф Бродский

Психологическая теория государства и права была сформулирована в первые годы XX столетия Львом Иосифовичем Петражицким (1867—1931) — профессором, заведующим кафедрой энциклопедии права Императорского Санкт-Петербургского университета, философом, социологом. Эта теория неожиданно явила для науки уникальный источник идей для новаций, реконструкций в духе либеральных настроений, в которых явно нуждались государственно-правовые отношения Российской империи в предреволюционный период. Творческие предложения Л. Петражицкого, несомненно, обогатили российское право, оказали заметное влияние на развитие философии, психологии и социологии права. Эта теория, казавшаяся универсальной и впечатлившая своей стройностью, строгой продуманностью многих, увы, по прошествии десятилетий стала достоянием истории.

Латвия после обретения независимости унаследовала законодательство Российской империи, которое постепенно менялось и преобразовывалось, а стремительно развивавшаяся академическая юридическая мысль еще долго находилась под обаянием учения Петражицкого. До сего дня в Латвии, к сожалению, не состоялась полноценная историко-правовая публикация с анализом не только теории права Л. Петражицкого, но и трудов всего круга ярких приверженцев его теории — Макса Лазерсона, Александра Круглевского, Карлиса Дишлерса, Карлиса Дуцманиса, Петериса Леиньша¹.

Верным имени Петражицкого и его научным установкам оставался на протяжении десятилетий Макс Лазерсон — знаток конституционного и международного права, прав национальных меньшинств. Словно дар свыше, благодарность была присуща этому темпераментному человеку, не устававшему до конца своих дней делами отдавать дань уважения профессору.

Макс (Максим Яковлевич) Лазерсон родился 1 февраля (20 января по ст. стилю) 1887 г. в семье торговцев в Митаве Курляндской губернии (ныне Елгава

Автор выражает признательность Рите Богдановой (Латвийский государственный исторический архив) за помощь в уточнении биографических данных Макса Лазерсона, а магистру права Цюрихского университета (Швейцария) Ксении Эльтазаровой — за ряд любезно предоставленных материалов.

в Латвии)², где на протяжении столетий проживало многочисленное немецко-язычное еврейское население. В 1905 г. он окончил Митавское реальное училище. В 1910 г. блестяще окончил юридический факультет С.-Петербургского университета, получив серебряную медаль факультета за работу «Естественно-правовые учения, их природа, состав и характер на разных ступенях развития», но сходу ступить на стезю науки у него не было возможности по причине бюрократических препон. Поэтому пока оставалось печататься. Первой его серьезной публикацией по философии права стала в 1910 г. работа «Философия истории “Войны и мира” Л. Толстого»³. С 1911 г. М. Лазерсон стал автором петербургского еженедельного юридического издания конституционно-демократического направления «Право». Свободное владение немецким языком позволило ему выступить переводчиком труда Юлиуса Гачека, профессора публичного права Королевской академии в Познани. Переведенный труд, называвшийся «Общее государственное право», был выпущен в Риге в 1913 г. в серии миниатюрной библиотеки издательства «Наука и жизнь» в трех частях: I часть «Право современной монархии», II часть «Право современной демократии», III часть «Право современного государственного соединения»⁴. Редактором и автором предисловия был Михаил Андреевич Рейснер (1868—1928)⁵.

С 1910 по 1916 г. на хлеб насущный Лазерсон зарабатывал помощником присяжного поверенного С. Козлова в Харькове и помощником юрисконсульта в Юзовке (Донецке) на горном предприятии «Продуголь». Наконец, в начале 1916 г. случилось долгожданное событие — Лазерсон был избран ассистентом Петроградского психоневрологического института, ректором которого был профессор Владимир Михайлович Бехтерев. Как писал М. Лазерсон П. Сорокину: «Мои учителя, в особенности Петражицкий, мною очень дорожили и лично хлопотали за меня перед Министерством народного просвещения о моем утверждении. Это происходило в конце 1915 и начале 1916 г. За меня замолвил словечко покойный Максим Максимович Ковалевский»⁶. Профессора направили свои рекомендательные письма в адрес Министерства народного просвещения. Осенью 1916 г. М. Лазерсон стал приват-доцентом Петроградского университета. Благодаря хлопотам профессоров он был первым евреем на преподавательской должности юридического факультета университета⁷.

Политическая активность Лазерсона проявилась в непосредственной работе в 1917 г. во Временном правительстве А. Ф. Керенского (1881—1970): работал в Министерстве внутренних дел и был вице-директором Департамента национальных меньшинств, а его приятель социолог Питирим Александрович Сорокин (1889—1968)⁸ служил личным секретарем Керенского. Оба с семьями проживали по соседству в общежитии Агропромышленного института в Царском Селе.

Весной 1918 г. советская власть взяла на учет интеллектуальную элиту Москвы и Петрограда на том основании, что умонастроения петроградских философов и социологов, принадлежавших к идеалистическим школам и направлениям, были враждебны марксизму. За малым исключением все они «не поняли исторического смысла социалистической революции и заняли по отношению к ней резко отрицательную позицию». Лазерсон значился в этом списке в качестве социолога⁹.

С 1919 г. он читал лекции в Петроградском институте народного хозяйства (бывшем Коммерческом институте), с января 1920 г. стал профессором судебной теории в этом же институте. Но вскоре Лазерсон решает круто изменить судьбу

Макс Лазерсон

Лев Петражицкий

Питирим Сорокин

и возвращается на родину, в независимую Латвию. Кстати, после отбытия из Петрограда в Ригу Лазерсон переписывался с Сорокиным, а позднее взял его письма за 1921—1922 гг. с собой в Палестину¹⁰. 23 сентября 1922 г. Сорокин навсегда уехал из России поездом Москва—Рига в рамках политической акции высылки русской интеллигенции. В Риге вагон, в котором находились высланные ученые, прицепили к составу, следовавшему в Берлин. Конечно же, Сорокин и Лазерсон не встретились на перроне рижского вокзала, но спустя некоторое время установили связь — общались по переписке, обменялись научной информацией. Затем наступило затишье: в сентябре 1930 г. Лазерсон отправил в Гарвард проф. Питириму Сорокину свою книгу «Общая теория права» и попросил написать рецензию. Но ответа, рецензии так и не дождался.

В Риге М. Лазерсон сразу активно влился в общественную и политическую жизнь, трижды избирался в латвийский парламент — Сейм от сионистско-социалистической партии «Цеирей-Цион». В Сейме стал секретарем комиссии публичного права, членом редакционной комиссии и с присущим ему политическим темпераментом с трибуны латвийского парламента защищал права национальных меньшинств, отстаивал право на автономию в системе образования, требовал признать национальное меньшинство субъектом международного права. Углубленно изучал права национальных меньшинств, все более убеждаясь в том, что меньшинственное право — одна из субстанций подлинной демократии.

К сожалению, по каким-то причинам не сложилась преподавательская карьера М. Лазерсона в Латвийском университете. В архиве университета сохранилось его личное дело. Как видно из этого двухстраничного дела, декан юридического отделения написал письмо на имя ректора университета: «22 марта 1926 г., № 1094. Господину Ректору ЛУ. Имею честь доложить Вам, что факультет народного хозяйства и права на своем заседании 20 марта выдвинул бывшего приват-доцента Петербургского университета, гражданина Латвии Макса Лазерсона в кандидаты для приват-доцентуры при кафедре теории права и философии права. Отзывы на предоставленные печатные работы М. Лазерсона дали профессор В. Синайский, доценты П. Леиньш, Р. Акменьтиньш и К. Дишлерс. При открытом голосовании из 14 присутствующих полноправных членов факультета за М. Лазерсона было подано 8 голосов, против — 6. Подпись: декан К. Дишлерс»¹¹.

Организаторские способности М. Лазерсона, его педагогический опыт были чрезвычайно востребованы при организации еврейских учебных заведений. Он учительствовал в Рижской городской еврейской гимназии, которой руководил Исаак Берз¹², был избран первым ректором Еврейского педагогического института¹³, читал лекции в еврейском Фребелевском институте¹⁴ при обществе «Гаморе»¹⁵ и Еврейской народной консерватории¹⁶. В еврейской общественной среде его знали как яркого защитника образовательных программ на языке иврит. В октябре 1921 г. М. Лазерсон активно поддержал подвижничество профессора Константина Ивановича Арабажина (1865—1929)¹⁷ на ниве русского высшего образования и стал соучредителем и профессором Русских университетских курсов (с 1929 года — Русский институт университетских знаний)¹⁸. В этом учебном заведении он читал курсы лекций по общей теории права, государственному праву Латвии, административному праву, государственному праву. С 1927 г. и на протяжении нескольких лет преподавал в Институте практических знаний (Коммерческий институт) и читал курсы лекций по международному и государственному праву¹⁹.

В 1930 г. в рижском издательстве «Жизнь и культура» была опубликована основная научная работа Лазерсона латвийского периода — «Общая теория права. Введение в изучение права». На книгу из Варшавы отозвался учитель автора — профессор Петражицкий, написавший в конце 1930 г. в частном письме О. О. Грузенбергу²⁰: «Лазерсону расскажите о моем сердечном отношении к нему, огорчении по поводу его неудачи в университете и т. д. К его книге я, несмотря на некоторые разногласия, отношусь с большой симпатией и уважением. Некоторые части мне очень понравились»²¹.

Лазерсон активно публиковался в Латышском энциклопедическом словаре (*Latviešu konversācijas vārdnīca*), в «Вестнике Министерства юстиции (*Tieslietu Ministrijas Vēstnesis*)», в журнале Василия Синайского «Юрист» (*“Jurists”*), газете «Сегодня», еврейских периодических изданиях. Состоял членом Русского юридического общества²², созданного в Риге в 1929 г., часто выступал с научными докладами на заседаниях общества. Председателем общества единогласно был избран адвокат Оскар Осипович Грузенберг (1866—1940)²³, почетным членом Русского юридического общества — проф. Л. Петражицкий. Лазерсон входил в редакционную коллегию журнала Русского юридического общества «Закон и суд»²⁴. К тому же в 1924 г. он стал помощником адвоката, с 1932 г. — присяжным адвокатом²⁵.

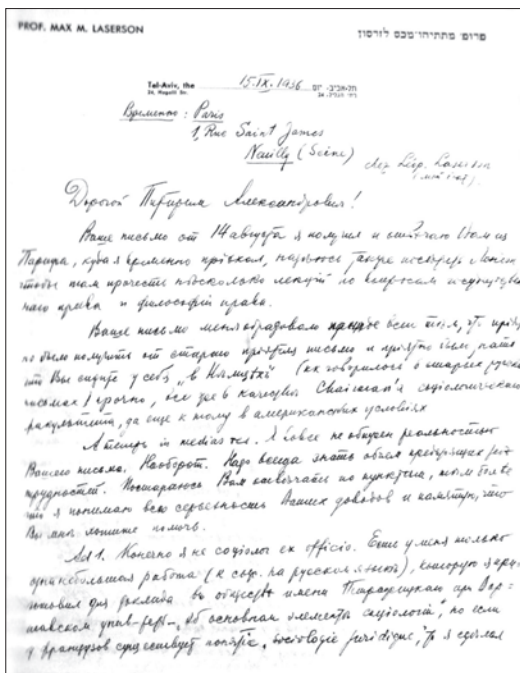
Когда весной 1931 г. не стало любимого профессора Льва Иосифовича Петражицкого, то верные его памяти бывшие студенты, точнее, младшие товарищи, опубликовали в различных изданиях памятные статьи. М. Лазерсон поместил статью в рижской газете «Сегодня», в которой написал: «Чем Петражицкий был для нас, его учеников? В золотую эпоху расцвета Петроградского университета примерно с 1900 до 1917 г. кружок философии права Л. Петражицкого был тем бессмертным храмом, в котором молодые будущие ученые черпали не только знания и обучались методам научного исследования, но и воодушевлялись и воодушевляли сотни и тысячи студентов к бескорыстной научной работе. На лекциях Л. И. [Петражицкий] читал, вернее, творил перед большою аудиторией свою эмоционально зажигающую работу, без всякого красноречия, даже подчас ораторски неудачно, но с каким-то совершенно непередаваемым чарующим подъемом. Этот подъем его питался не только умственным упоением логическими построениями, но и напряженной верой в силу и значение права»²⁶.

Кстати, а кто входил в круг идейно близких Петражицкому учеников? Лазерсон очертил круг верных учеников в своей последней публикации 1951 г., написанной к 20-летию ухода из жизни профессора²⁷. В него входили Павел Люблинский (1882—1938), Константин Соколов (1882—1927), Михаил Рейснер, Георгий Гинс (1887—1971), Н. Тоцкий, Макс Лазерсон, Александр Круглевский (1886—1963), Питирим Сорокин, Георгий Гурвич (1894—1965)²⁸.

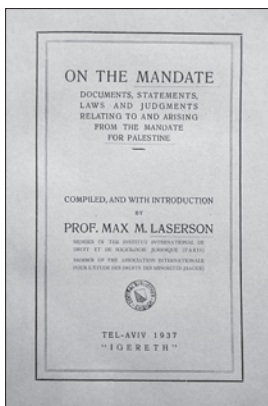
Среди событий жизни М. Лазерсона в Латвии начала 1930-х г. хочется выделить следующие: в 1932 г. после тяжелой болезни скончалась супруга. В том же 1932 г. летом в Гейдельберге Лазерсон прочитал студентам лекции по «Русской философии права», а в 1933 г. в берлинском издательстве выпустил книгу под таким же названием²⁹.

Но самое главное событие произошло в 1934 г. Как явный оппонент «аграрной диктатуры»³⁰ К. Ульманиса, установившейся 15 мая 1934 г., уже 24 мая того же года М. Лазерсон был арестован и препровожден в так называемый концентрационный лагерь в Лиенапе. Лазерсон сообщал Питириму Александровичу Сорокину: «По образцу Сталина, Муссолини и Гитлера — наши латвийские мужички устроили» государственный переворот, «заперев своих политических противников в концлагеря. Я просидел 1/2 года, надо сказать, что этот лагерь гораздо гуманнее советского или германского. В силу этих пертурбаций я не мог продолжать моей профессорской деятельности (меня, кстати, изгнали из профессуры)»³¹.

Детали последних недель пребывания в Латвии глубокой осенью 1934 г. открылись также через документы ЛГИА (фонд Административного департамента Министерства внутренних дел Латвии, дела о выдаче загранпаспортов). Единственный сын Лазерсона — Элезар, 1919 г. р., находился при нем. 6 декабря они уехали в Париж, затем перебрались в Палестину. Оставшаяся в Риге мать Лазерсона — Паулина оповестила об отъезде сына и внука нагрянувшую к ней полицию³². Так, самовольно, без разрешения властей Макс Лазерсон навсегда покинул пределы Латвии. Он категорически не мог славить вождя, как писал проф. Сорокину в письме от 27 июля 1936 г. из Тель-Авива: «В фашизированной Латвии славить своего господина, после того как я отказался это делать в Советской России, с которой я был неизмеримо больше связан. <...> Самое труд-

Письмо Макса Лазерсона Питириму Сорокину. Тель-Авив, 15 сентября 1936 г.

Макс Лазерсон. «По мандату: документы, заявления, законы и постановления, относящиеся и вытекающие из мандата на Палестину» (Тель-Авив, 1937). Обложка

ное для меня и предмет постоянного томления и страдания моего представляет то, что после эмиграции из России я не могу никак приткнуться к спокойной академической жизни, с тем чтобы целиком посвятить себя науке. По моей библиографии, которую Вам при сем посылаю, Вы увидите, что я успел многое сделать, но далеко не то, что мог бы, если работал только научно. В Латвии я принимал участие в политической жизни, что для меня как государствоведа имело большое значение, так же как для хирурга клиника. Кроме того, сидя в Риге, я научно общался с Германией, был в ней *Gastprofessor*³³ *Heidelberg*'ского и Берлинского университетов»³⁴.

Макс Лазерсон не без горечи писал П. Сорокину: «Я создал себе в Риге терпимый суррогат (+ профессура в Рижском коммерческом институте). Но с некоторых пор, как *Hitler* воцарился в Германии, я потерял главный резервуар моего научного вдохновения и работы»³⁵. Подвел итоги своей 25-летней научной деятельности следующими рассуждениями: «С 1911 г. стал писать <...> статьи по “действующему” русско-му государственному праву последнего императорского периода (1906—1917). В феврале 1917 г. все старые конструкции оказались недействующей макулатурой. Во времена Керенского выпустил толстую книгу и несколько брошюр о демократическом русском государственном праве. С приходом большевиков через 7—8 месяцев и это оказалось (“контрреволюционной”) макулатурой. Уехал в Латвию. Здесь в качестве секретаря публично-правовой комиссии парламента работал над созданием латвийского государственного права в демократическом стиле, а вне Латвии работал над столь же прочным германским республиканско-демократическим государственным правом. И это оказалось томлением и суетой, и макулатурой. Вот мой терновый путь конституционалиста в трех словах»³⁶.

Проживая в Палестине с конца 1934 г., Лазерсон вошел в историю Государства Израиль как основатель и профессор Высшей школы экономики и права в Тель-Авиве³⁷. Расстояния не пугали его: часто бывал в европейских странах, выступал с лекциями и участвовал в научных конференциях во Франции, Великобритании, Польше. Все годы оставался деятельным членом польского общества им. Л. Петражицкого (“*Towarzystwo imienia Leona Petrażyckiego*”). 27 июля 1936 г. он писал П. Сорокину, что совет общества желает расширить свою деятельность в разных странах, издавать четыре или два раза в год журнал “*Review*” («Обозрение»). Совет общества решил из почетных иностранцев пригласить Питирима Алесандровича как бывшего ученика Петражицкого в состав редакторов этого “*Review*”, посвященного вопросам права и социологии. «Надеюсь, — продолжает Лазерсон, — что дадите положительный ответ. Сообщая, что после самоубийства Льва Иосифовича осталось большое литературное наследие (главным образом, рукописи на социологические темы, дадим Вам список, если захотите). Надеюсь, что Вы от шефства над этим обществом вместе с [А. Н.] Круглевским, Тиксом, [Г. Д.] Гурвичем (нынче профессор социо-

логии Страсбургского университета, несмотря на всю его философичность и идеологичность) и мною не откажитесь»³⁸.

Кстати, Лазерсон был глубоко убежден, что одна из жизненных трагедий Льва Иосифовича заключалась в том, что его теория не прорвалась на западный интеллектуальный рынок. Да, несомненно, Петражицкого знали как блестящего цивилиста, поскольку его работы первого периода научного творчества стали доступны читателям в Европе, были переведены на немецкий язык и изданы в 1892—1895 гг. в Берлине. Но Петражицкий как теоретик психологии права, как социолог решительно не получил известность за пределами Российской империи. Еще накануне 1914 г. шла активная работа по переводу двухтомной «Теории права» на немецкий язык, но публикация не состоялась. В 1926 г. Лазерсон вел переговоры с известным философом права, социологом, профессором Кильского и Гейдельбергского университетов Густавом Радбрухом (*Radbruch*; 1878—1949)³⁹ об издании уже готового перевода, но все сложилось не в пользу Петражицкого⁴⁰.

Прожив неполных два года на Земле обетованной, убежденный сионист стал искать пути покинуть Палестину. Проф. Сорокину Лазерсон объяснил этот факт следующим образом: «Несмотря на то, что я сионист и считаю, что для евреев как народа нету исхода иного, кроме как утвердить себя в Палестине в качестве государства, я тем не менее понимаю, что в самой Палестине, малой, бедной и строящейся, нет еще места для отвлеченной гуманитарной науки. Здесь нужен не столько “академик”, сколько “плотник”, и Бог знает, когда у нас тут создастся почва для такой науки»⁴¹.

В сентябре 1939 г. М. Лазерсон приехал в Париж, где собирался выступить 17—18 сентября на Международном конгрессе юристов, посвященном философии права. Чуть позднее намеревался прочесть лекции в Лондонской школе экономики. Но драматические события 1 сентября 1939 г. решительно изменили все планы — Вторая мировая война стала для европейцев реальностью. В письме из Лондона от 12 сентября 1939 г. Лазерсон писал: «Дорогой Питирим Александрович! <...> Война застигла меня в Париже. <...> Ввиду сложившихся обстоятельств и того, что у меня имеется американская виза, выданная мне еще в Иерусалиме в июле на целый год, я все же намереваюсь направиться в Соединенные Штаты. Тем более что морское сообщение между Англией и Америкой поддерживается пока нормально. Риск быть взорванным немцами по дороге я беру на себя, потому что жизнь в оголтелой Европе для меня никакой ценности не имеет. <...> Надежды на Америку у меня несколько не поколебались, в связи с войной у нее будет новое *prosperity*⁴². Всякого рода связи с еврейскими литературными кругами, надеюсь, мне помогут в первое время. И я ни на кого не могу пасть бременем по приезде. <...> У меня к Вам, Питирим Александрович, одна просьба, которую Вам нетрудно будет исполнить, насколько мне кажется»⁴³. М. Лазерсон попросил у П. Сорокина рекомендательное письмо⁴⁴, облегчившее ему в итоге как посадку на судно в октябре 1939 г., так и общение на первых порах с администрацией Колумбийского университета.

Научные поиски

От природы Макс Лазерсону был дан дар оратора, который он использовал в студенческой аудитории и на трибуне латвийского парламента. Не менее талантливо, увлекательно, темпераментно и полемически остро умел излагать свои идеи на бумаге на русском, латышском, немецком, английском и иврите⁴⁵.

Лазерсон последовательно преодолевал догматический позитивизм или правовой формализм, т. е. сводимость права к сумме законов, интересовался не столько сугубо специально-юридическими вопросами, а философскими основами права. Монографии и статьи его отличались тематическим разнообразием: позитивное право (положительное право)⁴⁶ и естественное (читай: интуитивное) право, русская философия права, история философии права, соотношение права и этики и его (права) отличие от нравственности, право и религия, права национальных меньшинств, советология, наконец, вопросы иудаизма и сионизма. Все исследуемые вопросы неминуемо дополнялись авторской задиристостью, даже эпатажностью, не оставляли читателей равнодушными. Столь широкий научный подход к осмыслению права был им воспринят от профессора Петражицкого, в свое время оставившего углубленные занятия гражданским правом ради теории права, ради осмысления его философских основ, ради создания оригинальной концепции юридическо-психологического реализма, в которой прежде всего опирался на методологию опытного, эмпирико-позитивистского обнаружения, выявления и познания реальных правовых и государственных явлений в сфере человеческой психики. Иными словами, определение права в опытно-психологической теории Петражицкого старалось объять все правовые явления, «совершенно независимые от того, пользуются они признанием, защитой со стороны государства или кого бы то ни было, называют ли их обычно правом юристы или нет или же они относят некоторые из этих явлений к не-праву — нравам, морали, религии и т. д. Словом, оно обнимает все явления права как таковые, без исключения, ибо оно не считается с профессиональной привычкой юристов называть правом только так называемое “положительное право”, “действующее право” и тому подобное, но сообразуется исключительно с научной задачей теоретического образования научных классов, адекватных своему содержанию, с чем только и должна сообразоваться научная теория права»⁴⁷.

Лазерсон настаивал, что «единственная теория, которая объединяет сущность права с отдельными его признаками, с отдельными формами и функциями проявления права — это психологическая теория Петражицкого», предложившего соединить «отдельные гениальные догадки» разных теорий и авторов нитью его теории⁴⁸. Круг продолжателей идей Петражицкого принял основные положения учения о том, что право — это реальное психическое явление особого рода, в психике человека скрыты особые правовые эмоции. С этим открытием, казалось, была разгадана тайна «сфинкса существа права», что, впрочем, не мешало его ученикам позже вдохновляться на новые интерпретации идей учителя.

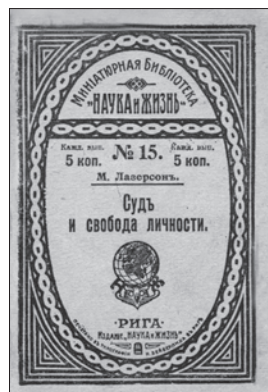
Как было написано выше, первый самостоятельный научный опыт М. Лазерсона относится к 1910 г., когда было написано научное исследование «Естественно-правовые учения, их природа, состав и характер на разных ступенях развития». К этой теме он возвращался не раз: в 1912 г. поместил в московском журнале «Вопросы права» исследование «Естественное право в памятниках древнееврейской литературы и законодательства». Позднее написал для Латышского энциклопедического словаря статью «Естественное право и учения о естественном праве» (“*Dabiskās tiesības un viņu mācības*”), размышлял над этой темой в работах по истории права, истории русского права, в своей монографии «Общая теория права. Введение в изучение права» (1930 г.).

Политические реалии России в 1917 г. заставили М. Лазерсона привести новые повороты в психолого-правовую теорию Петражицкого, использовать ее в

политико-правовом контексте⁴⁹, контексте социальной педагогики⁵⁰. К тому же молодой ученый проявил неподдельный интерес к экспериментально-психологическим методам, углублялся в проблемы языка (языка как массового опыта) и его прямого отражения в праве, осмысливал взаимодействие между позитивным (положительным) и естественным правом.

К примеру, в работе «Революция и право»⁵¹ М. Лазерсон опирался на идеи об интуитивном праве Л. Петражицкого. На страницах публикации было прослежено взаимодействие позитивного и естественного права в контексте революционных преобразований. Революции, настаивал автор, сильнее всего там, где положительное право (читай, позитивное право!) больше всего отстаёт от естественного права. Поэтому отсталые страны склонны к революции более широкого размаха, чем страны старой правовой культуры, выработавшие способы приспособления и частого применения положительного права к естественному как общественно приспособленному интуитивному праву. Лазерсон настаивает: «Чем чаще обновляется положительное право, тем меньше тот скачок (или амплитуда революции), который должно каждый раз произвести положительное право в своем приближении к естественному, или, выражаясь государственно-политическим языком: чем чаще издаются законы, отвечающие естественному праву (общему правосознанию), тем меньше тот скачок, который должен быть проделан при развитии данного правопорядка»⁵².

Лазерсон наступательно критиковал воззрения юристов, совершенно отделявших понятия права и революции. Право разве приходит уже «после того, как в муках крови и грязи родился новый строй»⁵³? Положительное право выдает метрическое свидетельство вновь рожденному соотношению сил и заносит его в тот или иной разряд — такова скромная делопроизводительная роль нынешней юриспруденции. Юристы склонны видеть в революции только силу, разрушающую право, отрицание его. Возможно, в этом воззрении сказывается смешение революции с мятежом, что характерно для русского сознания. «Революция с правовой точки зрения представляет собой не юридическую пустоту, как думают многие юристы, а столкновение между положительным правом и естественным. Это непостижимо для юристов именно потому, что, по их мнению, действующим правом является только положительное, писаное законное право»⁵⁴. Революционные скачки, заключает Лазерсон, при известных условиях становятся неизбежными правовыми факторами развития. И в этой части своей работы Лазерсон убедительно ссылался на Петражицкого, на его теорию интуитивного права⁵⁵. «Мы отвергаем наивную конструкцию “права на революцию”, но признаем наличие права революции. Только это последнее помогает нам рисовать противоречие как длящийся процесс, только раскрытие права революции как естественного права может опровергнуть нынешнюю теорию юридического легализма, по которой право исходит только от данного государственного строя, а само право есть в сущности лишь то, что согласно с этим строем. Эта теория догматического легализма неизбежно связана с совершенно ненаучной теорией

Макс Лазерсон. «Суд и свобода личности» (Рига, 1913).
Обложка

катастроф, допускающей существование правовых пустот. Революция, осмысленная юридически, входит в необходимую цепь развития права от низших ступеней к высшим через диалектическое противоположение положительного права праву естественному»⁵⁶.

Между прочим, проф. В. И. Синайский, противник такого рода идей о благотворном, продуктивном влиянии революции на право, парировал коллеге: «Революция не самый лучший этап установления основ правовой жизни»⁵⁷.

Журнал «Закон и суд» в 1930—1931 гг. перепечатал статью связанного с бердяевским журналом «Путь» философа Я. Меньшикова «О праве творчества и творчестве права», в которой также был дан своеобразный ответ на публикацию М. Лазерсона «Революция и право»: «Право не есть ветхозаветный запрет, флюгер, тряпка, развевающаяся на революционном ветру, — размышлял Меньшиков. — Разве можно назвать правом побитие камнями, кубок цыкуты, расятие?» Автор продолжал: «Право есть возможность, отраженная творчеством; потенция, рожденная кинетикой; а в т о р е ф л е к с о т в о р е н н о й с в о б о д ы. Там, где динамика сотворения не присутствует, нет и права. Отсюда сотворенная по полномочию вещь должна пройти через Божью цензуру, иначе она не соединит, а разъединит людей. <...> Отправной же точкой нормотворчества должен быть не индивид, а инсуммид — Бог». Людской авторитет — слишком скоропортящийся продукт, и право он не может стабилизировать, пока не найдет свою «надчеловеческую опору». Подлинное право создается по линии: Бог—человек—вещь—благо. В культуре заложен минимум трения, и посему служение «восьмому дню творения» — дню творения права — должно стать «знаком новой эры, автоматически разрубающим гордые узлы современности». Вне духовно-творческих, духовно-правовых отношений между людьми, вне связи между системой ценностей тварного мира и осознания миссии человека не может быть подлинного права, не может быть здорового общества. Иначе, предрекал Меньшиков, «в корчах и муках» общество будет строить себя само. Где нет социальной профилактики, из облака страданий способен материализоваться «коновал — революция, социальная хирургия»⁵⁸.

В 1930 г. М. Лазерсон выпустил свой основной теоретический труд «Общая теория права. Введение в изучение права», в котором продолжил осмысление соотношения позитивного (положительного) права и права естественного (интуитивного). С первых страниц монографии утверждалось, что автор опирается на теорию Петражицкого, для которого право мыслилось в качестве психического фактора общественной жизни, но особо отмечалось, что право есть продукт социальной жизни. В монографии автор рассмотрел основные школы (нормативизм, догматический позитивизм, исторический материализм, психологический позитивизм), высказал критические замечания в адрес различных школ, дал обзор учений о сущности права и видов права. Подробно было осмыслено соотношение этики, нравственности, психологии и права. «Господство положительного права, — писал Лазерсон, — наложило свою печать на всю науку права, в которой стал господствовать т[так] наз[ываемый] позитивизм, который здесь означает признание одного лишь действующего права, признанного государством обязательным, т[так] наз[ываемого] положительного права»⁵⁹. Петражицкий, как известно, такого рода соотношение «положительное—естественное» право осмысливал критически, поскольку естественное право есть особый вид интуитивного права. «Те правовые переживания, которые в своем интеллектуальном

составе имеют представления авторитетно-нормативных фактов: законов, обычаев, велений предков и т. д., относятся к области положительного права. То право, которое лишено ссылок на нормативные факты, Петражицкий именуется интуитивным правом»⁶⁰.

Позитивное (положительное) право, согласно Петражицкому и вслед за ним Лазерсону, подразделялось на два уровня: 1) официальное, т. е. признанное данным государством за положительное, действующее независимо от того, написано ли оно в законе, установлено ли оно обычаем или другой нормой; 2) неофициальное положительное право. Аналогичную структуру имеет и интуитивное право, разделенное на индивидуально-приспособленное право и право общественно-приспособленное, между которыми «существует эволюционная связь»⁶¹. Только право общественно-приспособленное именуется естественным правом. Индивидуально-приспособленное право только при определенных условиях способно стать общественно-приспособленным правом, т. е. превратиться в естественное право. Лазерсон настаивает: «Ни одно положение естественного права не может мыслиться как индивидуально-изменчивое, ибо, мыслясь как таковое, оно уже перестает быть естественным правом»⁶².

«И в культурной древности, — размышлял Лазерсон, — Иудеи, Греции и Рима и до сего времени защитники естественного права мыслят естественное право как универсальное, могущее опереться на Бога, природу, разум или другие абсолютные начала в отличие от временной и пространственной ограниченности положительного права»⁶³. Лазерсон не устает подчеркивать весомый вклад своего учителя в развитие современной теории естественного права, но при этом подводит читателя к мысли о том, что возрождение естественного права Петражицкий понимал как научно проверенную политику права⁶⁴, которую институт государства и власти должен с особой тщательностью и продуманностью осуществлять в сфере социальной педагогики, способствовать формированию правосознания, что и есть не что иное, как интуитивное право⁶⁵.

Стати, современные исследователи отказывают М. Лазерсону в точной трактовке идей Петражицкого. Светлана Алексеевна Пяткина, защитившая докторскую диссертацию по Петражицкому, в небольшой книге «Л. И. Петражицкий и его эмоционалистская школа в системе правовых идей отечественной юриспруденции» (М., 2000), на с. 165, мало того что «отправила» Лазерсона на жительство в Харбин, поскольку биография Макса Лазерсона была явно перепутана с биографией его брата Морица Лазерсона, но и дала в книге только на одну раннюю публикацию Лазерсона⁶⁶. При этом были сделаны решительные выводы в отношении Лазерсона: на с. 167 указанного сочинения автор фактически «изъяла» Лазерсона из числа корректных последователей Петражицкого, причислила его к ученым, формально принявшим доктрину учителя, «не вникшим» в исходные ее начала. С. А. Пяткина ссылалась при этом почему-то на ученого из Западного Берлина — профессора Карла Баума, который, в свою очередь, дал корректную оценку научной деятельности Макса Лазерсона⁶⁷, а также других известных в научном мире бывших студентов и последователей Петражицкого — Г. Гурвича, П. Сорокина, Н. Тимашева.

Проф. К. Баум, внимательно и кропотливо изучив доступные ему работы самого Лазерсона, пришел к заключению о том, что, не выходя за рамки научных размышлений учителя, он достиг особенной точности в изложении его идей, особенно в области социологическо-исторического анализа понятия права. Его

целью стала социологическая переработка учения Петражицкого, главным образом в области исторического обоснования и уточнения зарождения права. Лазерсон, еще больше чем Петражицкий, настаивал на идее, что в этой области понимание права как социального явления важнее его исторического обоснования как психологического феномена.

Новизна идей Лазерсона виделась Бауму в том, что, во-первых, тот сделал упор на понятии права как социолингвистическом концепте. Заключалось это в следующем: общественные отношения в первую очередь отображаются в языке как конденсированном социологическом опыте, поэтому важными становятся также социологические обычаи в отношениях в области права. Исходным пунктом размышлений Лазерсона является созвучность некоторых понятий, наблюдающихся во всех важнейших языках, для обозначения права — правой руки, правильного направления. Это являлось подтверждением тезиса о том, что появление понятия права связано с символикой правильного (правого) направления пути. При этом подсознательное предпочтение правой руки в трудовом процессе, в религии и традициях переносится также на понятия правильного (правого) пути и права в целом. Петражицкий воспринимал право узко: оно было концентрировано на социальные конфликты и их решение, а по Лазерсону, это понимание представлялось недостаточным, поскольку требовалось вывести право на новый уровень, на котором упор также будет ставиться на справедливое и правильное управление и взвешенный путь. Стараясь дополнить идеи Петражицкого, Лазерсон на уровне дефиниций стремился распределить право на три разных уровня, тем самым пытаясь достигнуть четкости, углубления и модификации соотношения интуитивного и позитивного права, — таково заключение профессора Баума⁶⁸.

Бурная общественно-политическая активность с начала 1920-х гг. в независимой Латвии, удачное участие в выборах и получение депутатского мандата в трех составах латвийского Сейма неминуемо еще более усилили новый поворот в трактовке Лазерсоном позитивного (положительно) и естественного (читай: интуитивного) права, желание применить психолого-правовую теорию к политическим и социальным реалиям — к правам национальных меньшинств, конституционному праву. Более того, индивидуально-вариабельные права, о которых писал Петражицкий, получили в работах Лазерсона осмысление как права национального меньшинства, а право на персональную автономию стало осмысливаться как право на культурную автономию — культурную автономию национального меньшинства. Думается, что многое из написанного Лазерсоном не утратило своей актуальности и в наши дни.

Показательны в этом вопросе его статьи 1922—1924 гг., в которых отразились непримиримые, ожесточенные политические баталии в стенах Сейма, в которых он принимал самое активное участие. Одна из них — *“Die Verfassungsentwicklung Lettlands”* («Конституционное развитие Латвии»). В ней автор углубился в историко-правовой экскурс, обосновывая идею о том, что создание конституционного порядка для абсолютно нового государства сложно. Если бы государство до этого уже существовало, то для создания его конституционного порядка подошел бы догматически-конструктивный метод. Но Латвия как составная часть Российской империи неминуемо была вовлечена в ее правовую систему, и ей на момент провозглашения государственности 18 ноября 1918 г. достались правовые основы несуществующего государства, достались формально-

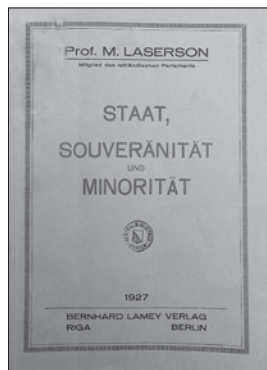
правовые структуры с правовыми институтами при отсутствии собственно правовой доктрины, столь важной для социально-психологической подпитки права. В 1922 г. Учредительное собрание Латвии приняло Конституцию — основной закон Латвии, носивший декларативно-политический характер, поскольку части о правах и обязанностях граждан в ней отсутствовали. В политической платформе Латвийское государство признавало национальные меньшинства как часть государства, поскольку на этом настаивала Лига Наций. Конституцию Латвии Лазерсон именовал “*Rumpfverfassung*”, т. е. как неполную, незавершенную. Принятием конституции в таком виде одним ударом были нейтрализованы уже почти принятые нормы о правах национальных меньшинств. Лазерсон провидчески указывал на возможные последствия — ужесточение закона о языке, уменьшение возможности проводить референдумы⁶⁹. Как широко востребованный педагог, преподававший во многих еврейских учебных заведениях и на Русских университетских курсах, он критично оценивал жесткий контроль Министерства просвещения за учебными заведениями национальных меньшинств.

В следующей статье — “*Das Verfassungsrecht Lettlands*” («Конституционное право Латвии») Лазерсон, будучи правоверным сионистом, вопрошал: почему в Конституции Латвии, в ее слишком краткой преамбуле, требующей дополнительной интерпретации, не отражены религиозные (читай: христианские) и естественно-правовые ценности? Лазерсон ставил не вполне удобные вопросы о том, что означает независимость Латвии, рассуждал о смысле понятий “*Latvijas tauta*” (латвийский народ) и “*latviešu tauta*” (латышский народ), открыто сожалел об отсутствии в Конституции Латвии статей о правах и обязанностях национальных меньшинств⁷⁰.

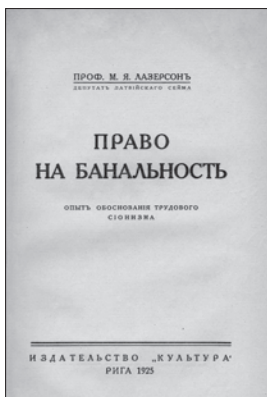
В работе 1927 г. “*Staat, Souveränität und Minorität*” («Государство, суверенитет и меньшинства») М. Лазерсон опять задался вопросом о сути и смысле мононационального государства с моноэтнической культурой, а права национальных меньшинств в этой публикации трактовал как «внутреннее международное право». Несомненно, преодоление феодальной раздробленности, нарожение форм капиталистического хозяйствования востребовали в XIX столетии идею мононациональной государственности, поскольку теологическая идея «власть от Бога» к этому времени не отвечала более всем потребностям общественного развития. Государство в XX столетии, напротив, должно уже настоятельно искать экономическое оправдание для своего существования: оно обязано давать социальные, экономические и культурные права. Образ национально господствующего государства (Левиа-

«Ежегодник современного публичного права» (Тюбинген, 1922), где была опубликована работа М. Лазерсона «Конституционное право Латвии». Титульный лист

Макс Лазерсон. «Государство, суверенитет и меньшинства» (Берлин, 1927). Обложка

Макс Лазерсон. «Право на банальность. Опыт обоснования трудового сионизма» (Рига, 1925). Обложка

фан⁷¹) неминуемо обречено, поскольку государство, настаивал Лазерсон, перестает быть просто внешне реальной объективностью — его источник кроется в *Psyche* [душе] подданных этого государства⁷². Любопытно, что независимо друг от друга незавидный финал национально господствующего государства предрекали и сторонники психологической теории права в лице Л. Петражицкого, и сторонники политико-правовой нормативистской теории в лице Ганса Кельзена (*Kelsen*; 1881—1973)⁷³.

Одним из обсуждаемых Лазерсоном тематических узлов был туго сплетенный узел соотношения права, этики и религиозных традиций (христианства, иудаизма). Оставаться в пределах научных баталий ему часто не удавалось, и он осмысливал важные правовые проблемы как политик-сионист. Ученый настаивал, что частая смена культурных, философских концепций в так называемом христианском мире, многочисленность трактовок права привносила неустойчивость и порождала несостоятельность европейской философии права, европейской (христианской, особенно православной) культуры. В острополюемической книге «Право на банальность. Опыт обоснования трудового сионизма» Лазерсон подчеркивал, что «еврейский народ в эпоху своего государственного бытия создал Ветхий Завет с его преимущественно правовой этикой и земным антимистицизмом». В этике и «заключается все своеобразие еврейской религии как системы мирозозерцания, только этим путем этицирования еврейская религия могла пережить национально-территориальные рамки Иудеи, только этим путем она сохранила свою жизнеспособность как водительница народа в его рассеянии. И опять-таки вопрос и здесь не в содержании норм»⁷⁴. Этические требования, предъявляемые еврейской религией к индивиду, рассчитаны на среднего человека. Что касается содержания правовых норм, то эти требования во многом совпадают с правовыми нормами законов, известных со времен Хаммурапи. Это верно, но не решает вопроса. Дело в оправдании права, которое дается Богом. Далее читаем следующее рассуждение: «Это означает, что в еврейском религиозном понимании божественный авторитет не господствует над предписываемой им этикой. Авторитет Бога не подменяет собою этическую обоснованность. И в этом отношении наши источники идут так далеко, что пытаются оправдать божественное право естественным правом индивида, задолго до проявления естественного права у эллинов и римлян»⁷⁵. А это означает, что только в Ветхом Завете дается основание слиянности религиозного, этического и правового сознания. Подобное основание, по мысли Лазерсона, категорически нехарактерно для христианства вообще и православия в частности. Христианство, Новый Завет не восприняли гармоничность и глубину Моисеева Пятикнижия, иудейской веры. По глубокому убеждению Лазерсона, правовую психологию еврейской религии понял и корректно интерпретировал это только проф. Л. Петражицкий в своем капитальном труде «Теория права».

Тема философии права, русской философии права всегда была глубоко интересна М. Лазерсону. В 1929 г. в первом номере вестника «Закон и суд» была

напечатана статья ученого «О наследии русской философии права»⁷⁶, в которой он в кратких чертах подвел итоги развития российской философии права. У автора не вызывала сомнения связь русской философии права с германской традицией, «совершившей революцию в области общей философии и теории права» в XVIII—XIX столетиях. Конечно, «русская наука философии права не была однозначна и однородна. <...> Особенно ярко сказалось различие между идеализмом, возглавлявшимся московской школой (Новгородцев, Кистяковский, Савальский, Покровский, Ильин и др.) и позитивизмом, отстаиваемым творцом психологической теории права... проф. Л. Петражицким». При всем разнообразии систем и взглядов русской теории права Лазерсон сделал два предварительных вывода.

Во-первых, в области соотношения права и государства русская доктрина противопоставила себя немецкой философии права. «Для немцев, начиная с Гегеля и кончая Г. Еллинеком, государство шло впереди права, государство считалось единственным создателем права. Государство есть поэтому самоцель, в которой целиком растворяется личность и ее права. Несколько туманно это выражено у Гегеля: государство есть действительность нравственной идеи; более прозрачно и определено это звучит у Еллинека: государство служит основанием самого бытия права». Автор продолжает: «Государство в германской традиции возводится на степень ипостаси, оно награждается особой богоподобной силой всемогущества и верховенства, право превращается... в акт милости государства, решившего самоограничить свое всеислие некоторыми уступками подданным»⁷⁷. В русской традиции «государственная власть не есть воля, исходящая от искусственно сконструированного суверена». Еще Коркунов в 80-х гг. XIX столетия переводил сущность государственной власти в область психологии подвластных: «Властвование предполагает вообще сознание не со стороны властвующего, а только со стороны подвластного. Все, от чего человек сознает себя зависимым, властвует над ним»⁷⁸. Таким образом, сущность государственной власти перемещается в психологию подвластных, что стало предметом особого внимания в теории права Л. Петражицкого. М. Лазерсон утверждал, что в конце 1920-х гг. немецкие ученые — правовед и политолог Карл Шмитт-Доротич (*Schmitt-Dorotic*; 1888—1985), представитель юрико-социологического направления Рудольф Сменд (*Smend*; 1882—1975), фактически не зная трудов Петражицкого, пришли к аналогичным выводам. Таким образом, недвусмысленно была прописана мысль о том, что первым важным результатом развития истории философии права и теории права в России является теория проф. Льва Петражицкого.

Во-вторых, Лазерсон назвал второе важное достижение русской теории права — придание громадной роли воспитательному значению права. Фактически до окончательной формулировки психологической теории права «наиболее вдумчивые философы права и государства» предвосхищали появление этой теории, проповедуя необходимость укрепления в населении правосознания. «Нормативизм с его переоценкой формального момента долженствования в ущерб психологической мотивации не привился в русской теории права, несмотря на сильное влияние Канта и неокантианства на российскую университетскую философию». Российская теория и философия права не могли ограничиться абстрагированием от действительности: величайший гений русской культуры Лев Толстой считал юридические науки мертвыми науками, праздной забавой, а труд судей и юристов — несовместимым со званием истинного христианина.

Макс Лазерсон. «Русская философия права» (Берлин, 1933). Титульный лист

Поэтому Лазерсон упорно настаивал на том, что в России в силу ее общественно-экономических, культурных и политических условий наблюдалась явная «атрофия правосознания» и, напротив, устойчиво привилась в народе «гипертрофия идеи нравственности». «Русская теория права, — размышлял Лазерсон, — в лице западника Бориса Чичерина, славянофила Владимира Соловьева и релятивиста Бориса Кистяковского взялась за оправдание права, психологическая теория права Петражицкого, далекая от идеологических влияний той или иной школы, дала обоснование воспитательного значения права, вскрыв предварительно сущность права». Эта традиция оказалась столь мощной, что советские легисты проф. Михаил Рейснер и правовед Евгений Пашуканис (1891—1937) не вполне, по мнению Лазерсона, освободились от ее теоретических пут: Рейснер выступил

против отождествления права и силы, за необходимость обличить притязания пролетариата всюю мощью правовых требований, а Пашуканис жил перепевами теории Соловьева о равноправии и равновесии как основах права⁷⁹.

В июле 1932 г. в Гейдельбергском университете М. Лазерсон прочитал курс лекций по русской философии права, позволивший подготовить небольшую книгу по русской философии права *“Die Russische Rechtsphilosophie”* (Berlin-Grunewald, 1933), предисловие к которой написал проф. Густав Радбрух. Критически, порой жгуче-критически, Лазерсоном рассмотрены в этой книге основные направления русской философии права: идеализм (Неволин, Редькин, Чичерин, Соловьев, Кистяковский, Новгородский), позитивизм (Коркунов, Гамбаров, Петражицкий), марксизм (Струве, Плеханов, Потресов, Пашуканис, Рейснер). Думается, что автор вполне адекватно для своего времени и с расчетом на западноевропейского читателя осмыслил вехи развития русской философии права: во временном масштабе от правового вакуума Московской Руси до предкапиталистического и предгражданского общества в дореволюционной Российской империи. Он указывал на нетвердые, незрелые основы русской философии права, утверждая, что именно петербургская страница философии права являлась особой частью истории России и поэтому показательна для Запада.

Появление книги *“Die Russische Rechtsphilosophie”* вызвало незамедлительный развернутый по форме, а по содержанию доброжелательный, но острый ответ со стороны Василия Синайского⁸⁰. Синайский заметил, что Лазерсон действительно ознакомил читателей Западной Европы с русской философией права, но его оценки объективно не полны, ибо ограничиваются философией права в объеме университетских программ; им рассмотрены лишь три направления русской философии права — идеализм, позитивизм и марксизм. Автор, пишет Синайский-рецензент, объясняет особенности русской философии права гипертрофией нравственности, социально-историческими особенностями России, неразвитостью идеи личности и субъекта права, отсутствием в недрах русской культуры идеи правового государства. Что ж, в итоге Лазерсон сознательно опустил важное четвертое направление русской философии права — религиозно-

философско-правовое, представителем которого является замечательный правовед и социальный философ проф. Евгений Васильевич Спекторский (1875—1954). Это четвертое направление автору следовало бы попытаться вдумчиво поискать в недрах русской культуры и в традициях восточного христианства⁸¹, чего Лазерсон даже не попытался сделать. Главным понятием в этом направлении является содержательное, полное религиозного смысла понятие справедливости, которое и есть синоним права.

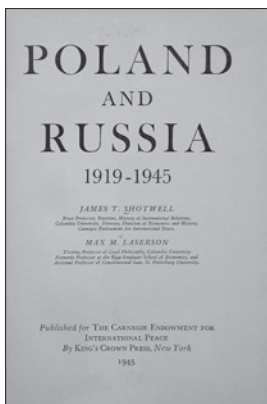
В таком продуктивном обмене мнений Лазерсона и Синайского формировалась и поддерживалась высокая интеллектуальная планка развития латвийской правовой науки в межвоенный период⁸².

Научные поиски на Североамериканском континенте

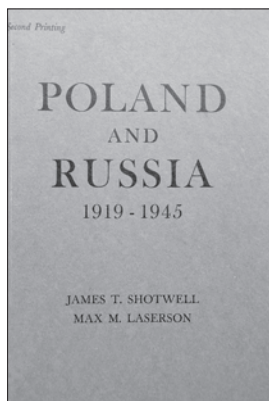
Итак, с 23 октября 1939 г. в жизни Макса Лазерсона начался новый этап. В Колумбийском университете уже в начале 1940 г. он читал лекции на темы: политические и международные отношения Балтийских государств, проблемы национальных меньшинств, общей теории демократий и диктатур, по чистой теории права. Из писем узнаём, что Лазерсон в апреле 1940 г. приезжал в Бостон к проф. Сорокину. Наведался не только ради получения очередного рекомендательного письма, но и с целью переговоров о переводе и издании трех книг проф. Петражицкого. Однако и в этот раз начинание, связанное с популяризацией теории Петражицкого, не имело успеха.

Вскоре Лазерсон стал заниматься научной работой в Фонде Карнеги за международный мир (*Carnegie Endowment for International Peace*)⁸³ под руководством Джеймса Томсона Шотвелла (*Shotwell*; 1874—1965) — профессора истории Колумбийского университета. Также он состоял деятельным членом «Кружка русских юристов», активно печатался в журналах по социологии, философии, публиковал книги. В апреле 1944 г. дал согласие быть приглашенным профессором Колумбийского университета по предмету моральной и политической философии. Это событие он с некоторой горечью прокомментировал в письме Сорокину: «Решено, что я буду *visiting lecturer Columbia University*⁸⁴ по предмету: *moral and political philosophy*⁸⁵. На старости лет: из архиереев в пономари. Да еще и это надо рассматривать как некое достижение. Но не будем жаловаться. Писать можно. А это главное»⁸⁶.

В России и Латвии основными направлениями его научной деятельности были философия и теории права, государственное право. В США его знания по этим направлениям не были востребованы, поскольку превалировали международное право и междисциплинарное политологическое направление — советология, особо востребованная в послевоенные годы — годы начала холодной войны. Как ученому-эмигранту Лазерсону не оставалось ничего другого, как начать работать в направлении советологии, критически осмысливать новейшую историю России и ее отношения с соседними государствами, с так называемым западным миром. В этой связи хочется упомянуть подготовленный им сборник документов и комментариев «Развитие советской внешней политики в Европе» (*The development of Soviet foreign policy in Europe, 1917—1942*). *N. Y., 1943*). В 1945 г. вышла работа, написанная в соавторстве с Дж. Шотвеллом, — «Польша и Россия» (*Poland and Russia*). *N. Y., 1945*). Также в 1945 г. в нью-йоркском изда-

Джеймс Шотвелл, Макс Лазерсон. «Польша и Россия. 1919—1945» (Нью-Йорк, 1945).
Обложка 1-го издания

Джеймс Шотвелл, Макс Лазерсон. «Польша и Россия. 1919—1945» (Нью-Йорк, 1946).
Обложка 2-го издания

тельстве “Macmillan” увидела свет следующая книга — «Россия и западный мир: место Советского Союза в содружестве наций» (“*Russia and the Western world: the place of the Soviet Union in the Community of Nation*”) ⁸⁷.

В последней из перечисленных книг рассматривались возможности положительного влияния европейских ценностей на Страну Советов после самой кровопролитной из войн — Второй мировой. Лазерсон надеялся на падение «железного занавеса», возведенного сталинским режимом в СССР. В этой книге он проанализировал жизнь Советской России с 1917 по 1945 г., критически рассмотрел отношение СССР к государствам Прибалтики, Польше и другим странам. Лазерсон пришел к выводу, что соприкосновение солдат Красной армии с армиями союзников по антигитлеровской коалиции не пройдет без следа, русские офицеры и солдаты принесут на землю многострадальной России идеалы лучшей жизни, рожденные Западом. Ему представлялся логичным переход России от централизованного унитарного государства к федеративному устройству, от идеологии одного класса (рабоче-крестьянской идеологии) к подлинной демократической конституции, от правового нигилизма, идеологического манипулирования правом к подлинному соблюдению прав человека. Экономическая мощь США, ценности, которые проповедует американская идеология, как мыслил Лазерсон, должна стать мощным стимулирующим фактором для демократического развития России и всего мира в целом ⁸⁸. Взаимоотношения России и США Лазерсон проанализировал в монографии «Американское воздействие на Россию — дипломатическое и идеологическое, 1784—1917» (“*The American impact on Russia — diplomatic and ideological. 1784—1917*”. N. Y., 1950) ⁸⁹.

Можно ли утверждать, что многочисленные публикации приносили Лазерсону удовлетворенность академической карьерой в США? Вряд ли. В переписке Лазерсона—Сорокина во второй половине 1950 г. опять появилась тема рекомендаций, поддержки Лазерсона. Хотя о трудностях академической карьеры в США проф. Сорокин предупреждал старого знакомого еще в начале 1939 г.: «Что касается возможности найти какое-нибудь место здесь, то имейте в виду, что только теперь не менее чем от двенадцати до восемнадцати тысяч ученых из Центральной Европы осадили американские институты. В течение следующих двух или трех лет несколько сотен из них будут поглощены, но, кажется, этому есть предел» ⁹⁰.

Последняя предсмертная работа М. Лазерсона вышла в начале 1951 г. Статья, незримо подытожившая научную деятельность ее автора, называлась «Работа

Льва Петражицкого. Исследование психологических аспектов природы права»⁹¹. Оттиск публикации, конечно же, был отправлен П. Сорокину, на что Питирим Александрович 23 февраля 1951 г. ответил Лазерсону: «Профессору Максу М. Лазерсону. 526, 113-я Стрит, Нью-Йорк. Мой дорогой Лазерсон, сердечно благодарю Вас за репринт Вашего исследования о Петражицком. Очень рад, что Вы продолжаете публиковать исследования о нашем дорогом учителе. С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш Питирим А. Сорокин»⁹².

Перегруженность интенсивной научной работой в течение последних десяти лет сказалась на состоянии здоровья Макса Лазерсона. 30 ноября 1951 г. он скончался в своей квартире на Манхэттене в Нью-Йорке от болезни сердца. 1 декабря об этом оповестила газета “*Toledo Blade*”⁹³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Roze I. Ķeva Petražička ieguldījums tiesiskās domas attīstībā Latvijā // Likums un Tiesības*. 2008. №. 7 (107). 210.—219. lpp.

² Старший брат Макса Лазерсона — Морис Лазерсон родился 22 декабря 1879 г., умер в Австралии в 1952 г. Морис Лазерсон получил высшее образование по коммерции и экономическим наукам в Рижском политехническом институте, докторскую степень — в Дерптском (ныне Тартуский) университете. С начала 1920-х гг. Морис Лазерсон состоял на советской службе, печатался под псевдонимом Ларсонс. Автор книг: *Larsons M. J. Als Expert im Sowjetdienst*. Berlin, 1929; *Ларсонс М. Я.* На советской службе: Записки спеца. Париж, 1930; *Larsons M. J. Im Sowjet-Labyrinth: Episoden und Silhouetten*. Berlin, 1931; *Ларсонс М. Я.* В советском лабиринте: Эпизоды и силуэты. Берлин, 1932. Братьев Лазерсон постоянно путают, соединяя их биографии воедино. Биографические данные о Морице Лазерсоне, составленные по архивным материалам Гуверовского института, опубликованы в кн.: *Абызов Ю., Флейшман Л., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов: В 5 т. Stanford, 1997. Т. 4. С. 320.

³ Вопросы обществоведения // Под ред. В. М. Гессена, И. И. Кауфмана, П. И. Люблинского, М. И. Туган-Барановского. СПб., 1910. Вып. 2.

⁴ Издание хранится в Латвийской национальной библиотеке.

⁵ В год выхода книг М. Рейснер состоял приват-доцентом С.-Петербургского университета и профессором государственного права Психоневрологического института, позднее стал профессором Петроградского университета и Военной академии Генерального штаба. После событий 1917 г. стал теоретиком советского права.

⁶ Уникальным источником биографических сведений о Максе Лазерсоне служит недавно опубликованная часть сохранившейся его переписки с профессором Гарвардского университета, социологом П. А. Сорокиным. В письмах он сообщает подробности жизни в России, Латвии, Палестине, США. В книге помещены всего лишь 20 писем из 30-летней переписки Лазерсона и Сорокина (см.: *Сорокин П.* Избранная переписка. Вологда; Сыктывкар, 2009).

⁷ *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 50.

⁸ Между прочим, первые публикации П. А. Сорокина состоялись в Риге в 1913 г. благодаря серии миниатюрной библиотеки издательства «Наука в жизнь»: Брак в старину. (Многомужество и многоженство); Преступность и ее причины; Самоубийство как общественное явление; Символы в общественной жизни. Издания числятся по электронному каталогу Российской национальной библиотеки (СПб.). В 1929 г. издательство “*Varavīksna*” опубликовало сделанный Артуром Кродерсом перевод труда П. Сорокина «Социология революции» на латышский язык: *Sorokins P. Revolūcijas socioloģija*. R., 1929.

⁹ *Клушин В. И.* Первые ученые-марксисты Петрограда. Л., 1971. В указанной работе автор на с. 24—25 перечислил следующие имена: «Весной 1918 г. Наркомпрос проводил всероссийскую перепись ученых в области философии, социологии, права и политической экономии. Эта перепись показала, что около 70 процентов всех философов и социологов России работают и живут в

Петрограде. В петроградском списке философов значились: С. А. Алексеев, А. А. Бардовский, В. А. Беляев, А. И. Введенский, А. В. Владимирский, В. А. Волкович, Л. Е. Габрилович, С. И. Гессен, А. И. Гребенкин, С. О. Грузенберг, К. Ф. Жаков, А. А. Крогиус, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, Д. П. Мартов, А. А. Мейер, В. М. Нарбут, А. П. Нечаев, С. И. Поварнин, Э. Л. Радлов, И. Г. Рождественский, Н. Е. Румянцев, В. С. Серебрянников, Г. Я. Трошин, С. Л. Франк, В. Н. Сперанский. В качестве социологов в Петрограде были зарегистрированы: Н. Н. Андреев, Н. А. Гредескул, С. К. Гогель, В. А. Дубянский, С. Я. Загорский, А. А. Исаев, Н. А. Кареев, Н. Д. Кондратьев, М. И. Кулишер, М. Я. Лазерсон, Г. А. Ландау, П. И. Люблинский, Я. М. Магазинер, В. А. Мякотин, Р. М. Орженцкий, М. Я. Остроградский, К. А. Пажитнов, А. В. Пошехонов, Н. А. Рожков, В. В. Святловский, П. А. Сорокин, К. М. Тахтарев, Н. С. Тимашев. Б. А. Фингерг и И. В. Чернышев. В. И. Клушин использовал следующий документ: ЦГА СПб., ф. 2555, оп. 1, д. 97, л. 26—27.

¹⁰ *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 51.

¹¹ Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 7427, оп. 13, д. 983, л. 1.

¹² См. прим. 19 на с. 137.

¹³ ЛГИА, ф. 2125, оп. 4, д. 435.

¹⁴ Фребель Фридрих (1782—1852) — немецкий педагог и теоретик дошкольного воспитания; разработал идею детского сада и методику работы в нем. — *Ред.*

¹⁵ ЛГИА, ф. 2125, оп. 4, д. 460—463, 465. В газете «Сегодня вечером» (1926. 4 окт.) помещена фотография преподавателей Фребелевского института, среди которых и М. Лазерсон.

¹⁶ ЛГИА, ф. 2125, оп. 4, д. 433.

¹⁷ *Исаков С. Г.* Профессор Хельсинского университета К. И. Арабажин: Очерк жизни и деятельности // *Studia Slavica Finlandensia.* Helsinki, 1987. Т. 4. С. 68—111.

¹⁸ *Ковальчук С.* Русские университетские курсы // Наука и мы (Рига). 1990. № 11. С. 18—20; *Она же.* Из истории высшей школы в довоенной Латвии: Евреи на Русских университетских курсах в Риге (1921—1937) // Евреи в меняющемся мире: Материалы 4-й Междунар. конф., Рига, 20—22 нояб. 2001 г. Рига, 2002. С. 146—158; *Она же.* Константин Иванович Арабажин // Покровское кладбище: Слава и забвение: Сб. ст. // Сост. С. Видякина, С. Ковальчук. Рига, 2004; *Цоя С.* Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии // Русский мир и Латвия: Альманах. Рига, 2013. № 32. С. 18—200.

¹⁹ ЛГИА, ф. 1648, оп. 1, д. 422, л. 80, 129, 162.

²⁰ Еврейская народная консерватория — музыкальное учебное заведение, открывшееся в Риге в январе 1921 г. Существовало за счет средств меценатов. В сущности это была музыкальная школа, в которой каждый желающий (независимо от национальности) мог получить элементарное музыкальное образование по нескольким специальностям. — *Ред.*

²¹ *Грузенберг О.* Из дневника юриста // Закон и суд. 1931. № 20. [Т. 2. С. 632].

²² *Ковальчук С.* Судьба журнала «Закон и суд» (1929—1938) // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Рига, 1999. Т. 4. С. 88—103; *Она же.* «Долг — это высший закон»: Мультиязычная юридическая периодика независимой Латвии // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, 2013 / [Отв. ред. Н. Ф. Гриценко]. М., 2013. С. 91—109.

²³ *Лазерсон М.* Оскар Грузенберг (к его приезду в Ригу) // Сегодня. 1926. № 74. С. 2—3; *Лазерсон М.* Духовный облик О. О. Грузенберга, 1866—1941 // Еврейский мир. Нью-Йорк, 1944. Сб. 2. С. 406; Грузенберг Оскар // Краткая еврейская энциклопедия: Иерусалим, 1982. Т. 2. С. 234—235; Грузенберг Оскар Осипович // Российская еврейская энциклопедия. М., 1994; *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Указ. соч. Т. 5. С. 60—85; *Ковальчук С.* Рига в эмигрантских скитаниях Оскара Грузенберга // Евреи в меняющемся мире: Материалы 3-й Междунар. конф., Рига, 25—27 окт. 1999 г. Рига, 2000. С. 486—494; *Kovaļčuka S.* Oskars Gruzenbergs: žurnāla "Likums un Tiesa" (1929—1938) galvenais redaktors // Kultūras identitātes dimensijas. R., 2011. 81.—95. lpp.; *Трибунский П. А.* Фонд адвоката и общественного деятеля О. О. Грузенберга в Национальной библиотеке Израиля // Археологический ежегодник за 2009—2010 гг. М., 2013. С. 345—350.

- ²⁴ Приведем список его публикаций в издании «Закон и суд»: *Лазерсон М.* О наследии русской философии права // Закон и суд. 1929. № 1. [Т. 1. С. 8–9]; *Лазерсон М.* Трансформация мирового публичного права // Закон и суд. 1932. № 7. [Т. 2. С. 534–535]. Список книг М. Лазерсона на русском языке, его статей в газете «Сегодня», рецензий на его работы подробнее см.: *Абызов Ю.* Русское печатное слово в Латвии, 1917—1944 гг.: Биобиблиогр. справ. Stanford, 1990. Т. 2. С. 346—348.
- ²⁵ *Lazersons Maksis* // Latvijas advokātūra: Zvērināti advokāti un zvērinātu advokātu palīgi biogrāfijās, 1919—1945: Biogr. vārdn. // Sast. Ē. Jēkabsons, V. Šcerbīniskis. R., 2007. 321.—322. lpp.
- ²⁶ *Лазерсон М.* Петражицкий как творец науки права // Сегодня. 1931. № 139.
- ²⁷ *Lazerson M.* The Work of Leon Petrazhitzkii: Inquiry into the psychological aspects of the nature of law // Columbia Law Review. 1951. Vol. 51. №. 1. P. 79.
- ²⁸ Профессор Николай Сергеевич Тимашев в 1935 г. в издании «Закон и суд» поместил обстоятельную рецензию на книгу Г. Гурвича «Юридический опыт и плюралистическая философия права», в которой высоко оценил труд и подтвердил принадлежность его автора к кругу учеников Петражицкого: *Тимашев Н. С.* Сущность права // Закон и суд. 1935. № 55. [Т. 5. С. 1141—1143]; Там же. 1935. № 56. [Т. 5. С. 1169—1172].
- ²⁹ *Lazerson M.* Die Russische Rechtphilosophie. Berlin-Grunewald, 1933.
- ³⁰ *Lazerson M.* Russia and the Western World: the place of the Soviet Union in the Community of Nation. N. Y., 1945. P. 219.
- ³¹ *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 45.
- ³² ЛГИИ, ф. 3234, оп. 24, д. 8140, л. 8, 11. Хотя М. Лазерсон проживал в пределах Старого города на ул. Лиела Смилшу, д. 19/21, кв. 6, что напротив Пороховой башни, но дни накануне отъезда из Риги провел в квартире матери по адресу: ул. Элизабетес, д. 14, кв. 4.
- ³³ Т. е. приглашенным профессором. — *Ред.*
- ³⁴ *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 45.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. С. 46.
- ³⁷ Одна из работ М. Лазерсона палестинского периода: *Laserson M.* On the mandate: documents, statements, laws and judgments relating to and arising from the mandate for Palestine. Tel-Aviv, 1937.
- ³⁸ *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 47–48.
- ³⁹ Г. Радбрух был причастен к неокантианской Баденской школе. Получил известность в России, поскольку в 1915 г. вышел перевод его труда: *Радбрух Г.* Введение в науку права. Пг., 1915. Проф. Б. Кистяковский предварил издание вступительной статьей.
- ⁴⁰ *Лазерсон М.* Петражицкий как творец науки права.
- ⁴¹ *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 47.
- ⁴² Процветание (*англ.*).
- ⁴³ *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 54—55.
- ⁴⁴ Интересно, что родной брат матери М. Лазерсона, доктор философии Людвиг Бернштейн, долгие годы жил в Питсбурге, читал лекции по прикладной социологии, но не к нему, а к П. Сорокину была обращена настоятельная просьба М. Лазерсона о содействии во въезде в США.
- ⁴⁵ Статья М. Лазерсона на иврите: Евреи в латвийском парламентаризме // Еврейство Латвии. Тель-Авив, 1953. С. 30—105.
- ⁴⁶ Сделаем ссылку, чтобы не вводить в заблуждение читателей, поскольку в текстах М. Лазерсона термины «позитивное право» и «положительное право» употребляются как синонимы. Позитивное право, положительное право (латин. *ius positivum*) — право, действующее в государстве в данный исторический период. Сторонниками позитивного (положительного) права признается только закон, который «именно в силу его официально-властного, принудительно-обязательного характера является настоящим правом» (см.: Нерессянц В. С. Философия права. М., 2006. С. 6).
- ⁴⁷ *Михайлов П. Е.* Проблема права: С точки зрения психологической теории права // Новые идеи в правоведении: Философия права и нравственности. СПб., 1915. Сб. 4. С. 58.

- ⁴⁸ Лазерсон М. Общая теория права: Введение в изучение права. Рига, 1930. С. 119.
- ⁴⁹ В этой связи хочется перечислить несколько его работ, опубликованных в изданиях Петрограда и Москвы на русском языке: «Война и международная политика» (1917), «К международной постановке еврейского вопроса» (1917), «Основные начала организации пропорциональных выборов в Бельгии» (1917), «Автономия и федерация» (1917), «Национальность и государственный строй. (Юрико-политический очерк)» (1918), «Право, правизна и трудовой процесс. Опыт социолого-лингвистического объяснения понятия права» (1919).
- ⁵⁰ Лазерсон М. Социальная педагогика и правовое воспитание: Проф. Л. И. Петражицкому — к 35-летию его научной деятельности. Рига, 1927. М. Лазерсон продолжил тему социальной педагогики и политики права в монографии: Лазерсон М. Общая теория права. С. 349—369.
- ⁵¹ Работа опубликована на трех языках: *Lazersons M. Revolūcija un tiesības // Tieslietu Ministrijas Vēstnesis*. 1926. № 9; Лазерсон М. Революция и право. Рига, 1927; *Lazerson M. Revolution und Recht // Zeitschrift für öffentliches Recht*. Wien, 1929. Bd. 8. H. 4.
- ⁵² Лазерсон М. Общая теория права. С. 291—292.
- ⁵³ Лазерсон М. Революция и право. С. 4.
- ⁵⁴ Там же. С. 24.
- ⁵⁵ Рецензент этой работы главный редактор газеты «Сегодня» М. И. Ганфман писал, что «Лазерсон в этой работе ярко проявил себя как последователь Петражицкого и его учения о естественном (интуитивном) праве» (см.: Ганфман М. Книга: Проф. М. Лазерсон «Революция и право» // Сегодня. 1927. № 17).
- ⁵⁶ Лазерсон М. Революция и право. С. 36.
- ⁵⁷ См.: *Sinaiskis V. Krievu tiesību filozofija // Jurists*. 1934. № 2. 38. lpp.
- ⁵⁸ Меньшиков Я. О праве творчества и творчестве права // Закон и суд. 1931. № 21/22 [Т. 2. С. 435]. См. также: Закон и суд. 1930. № 13, 14/15. [Т. 1]; 1931. № 18/19. [Т. 2].
- ⁵⁹ Лазерсон М. Общая теория права. С. 159.
- ⁶⁰ Там же. С. 160.
- ⁶¹ Там же. С. 163.
- ⁶² Там же. С. 284.
- ⁶³ Там же. С. 285—286.
- ⁶⁴ Там же. С. 316.
- ⁶⁵ Там же. С. 162.
- ⁶⁶ Лазерсон М. Доктрина и политика в германском государствоведении // Юридический вестник. 1916. Кн. 14 (2).
- ⁶⁷ Кстати, проф. Бауму были доступны работы Лазерсона только на немецком и английском языках (см.: *Baum K. Leon Petrazycki und sein Schüler*. Berlin, 1967).
- ⁶⁸ *Baum K.* Op. cit. S. 78—79.
- ⁶⁹ *Lazerson M. Die Verfassungsentwicklung Lettlands // Jahrbuch öffentlichen Rechts*. Tübingen, 1922. Bd. 11. S. 218—226.
- ⁷⁰ *Lazerson M. Das Verfassungsrecht Lettlands // Jahrbuch öffentlichen Rechts*. Tübingen, 1924. Bd. 12. S. 258—269.
- ⁷¹ Левиафан — в Библии огромное морское чудовище. Так же («Левиафан») называется главное сочинение (1651 г.) английского философа Томаса Гоббса (1588—1679), содержащее его учение о происхождении и сущности государства. — *Ред.*
- ⁷² *Lazerson M. Staat, Souveränität und Minorität*. Riga; Berlin, 1927. S. 85.
- ⁷³ Ганс Кельзен делил государства на демократические и недемократические, утверждал, что демократия не сводится к утверждению законов большинством голосов и формально-юридическим способом решения социальных конфликтов. По своей сути демократия есть поиск компромисса: она предполагает уважение к чужим взглядам и требует защиты интересов меньшинства. Кельзен настаивал: движущим принципом всякой демократии в действительности

служит не экономическая свобода либерализма, а, скорее, духовная свобода — свобода высказывать свое мнение, свобода совести и убеждений, принцип терпимости и особенно свобода науки.

⁷⁴ *Лазерсон М.* Право на банальность: Опыт обоснования трудового сионизма. Рига, 1925. С. 14.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Лазерсон М.* О наследии русской философии права // Закон и суд. 1929. № 1. [Т. 1. С. 8–9].

⁷⁷ Там же. С. 9.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ *Sinaiskis V.* Krievu tiesību filozofija: (Sakarā ar iznākušo grāmatu) // Jurists. 1934. №. 54. 33.—40. lpp.

⁸¹ Ibid. 36. lpp.

⁸² *Kovaļčuka S.* Tiesību filosofijā Latvijā XX gs. 20.—30. gados: A. Lēbers, V. Sinaiskis, M. Lazersons, L. Šulcs // Filosofiskās idejas Latvijā, Eiropas vērtības un latviskā identitāte / Letonikas otrais kongress: Raksti. R., 2008. 297.—308. lpp.

⁸³ Фонд Карнеги основан в 1910 г. предпринимателем и общественным деятелем Эндрю Карнеги для проведения независимых исследований в области международных отношений и с целью содействия развитию сотрудничества между государствами.

⁸⁴ Приглашенный профессор в Колумбийском университете (*англ.*).

⁸⁵ Политическая философия (*англ.*).

⁸⁶ *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 60.

⁸⁷ *Ковальчук С.* Отражение идеалов американской демократии в трудах Макса Лазерсона // Евреи в меняющемся мире: Материалы 2-й Междунар. конф., Рига, 25—27 авг. 1997 г. Рига, 1998. С. 390—393.

⁸⁸ *Lazerson M.* Russia and the Western world: the place of the Soviet Union in the Community of Nation. N. Y., 1945. P. 267.

⁸⁹ Для поддержки издания Питирим Сорокин написал 6 октября 1950 г. письмо в компанию «Макмиллан», издавшей книгу Лазерсона. См.: *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 63.

⁹⁰ *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 54, 62.

⁹¹ *Lazerson M.* The Work of Leon Petrazhitskii. P. 59—82.

⁹² *Сорокин П.* Избранная переписка. С. 63.

⁹³ Dr. Max Laserson // Toledo Blade. 1951. Dec. 1. P. 6.